

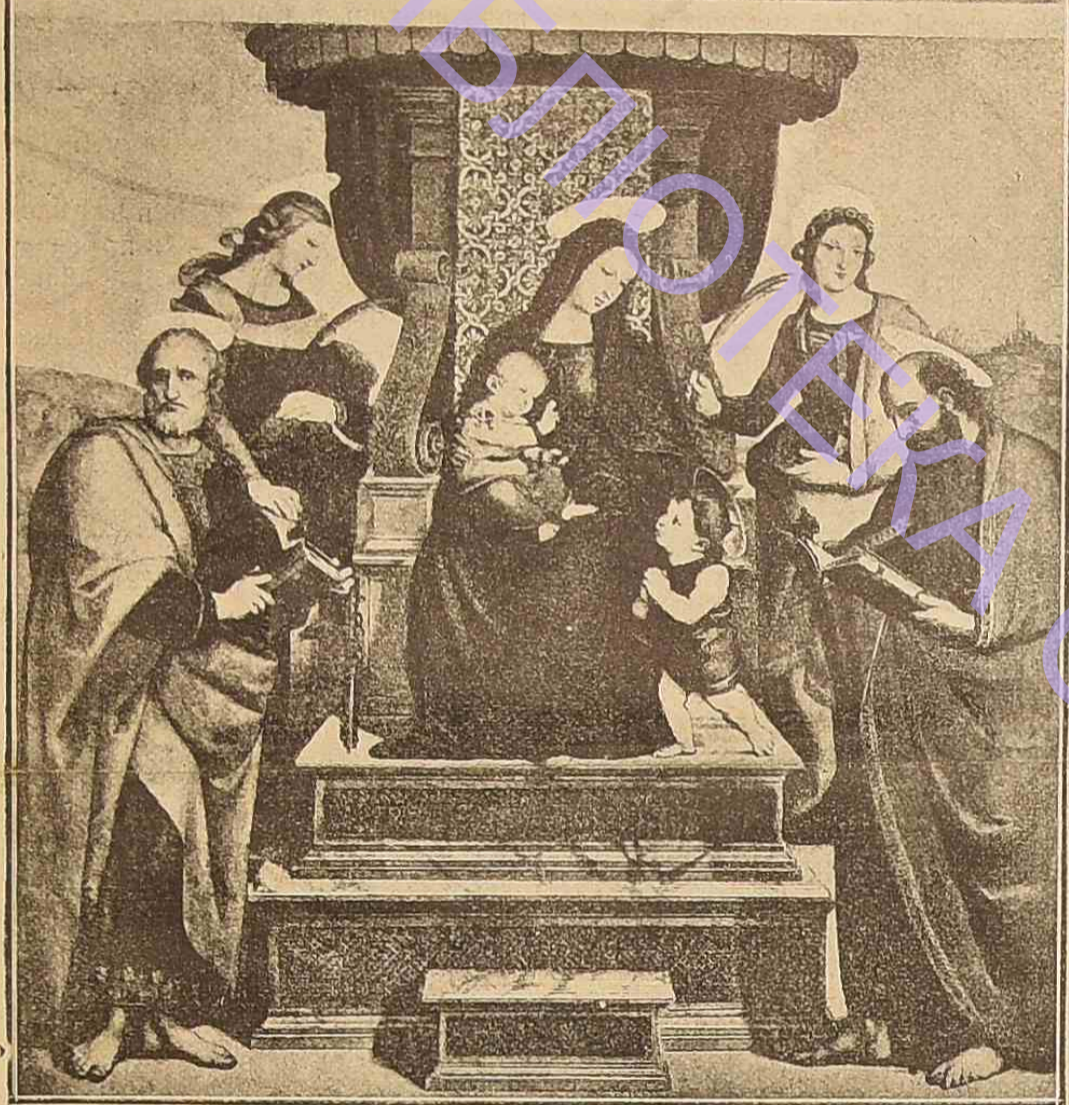
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ГАЗЕТЪ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

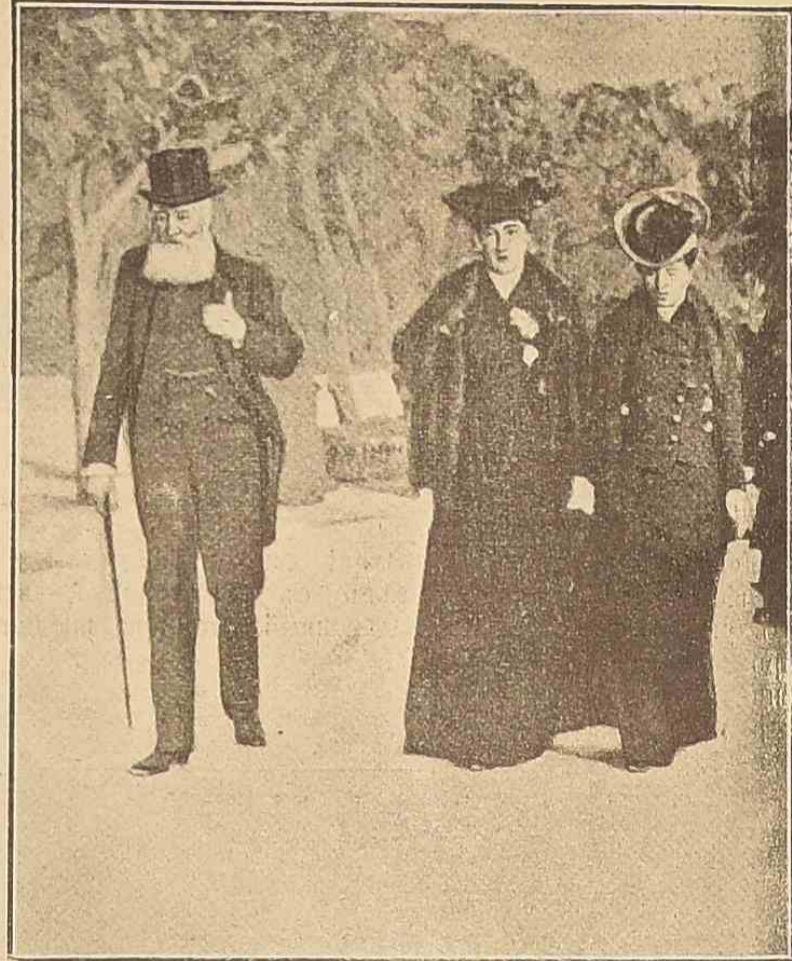
№ 5513.

Суббота, 5-го января 1902 г.

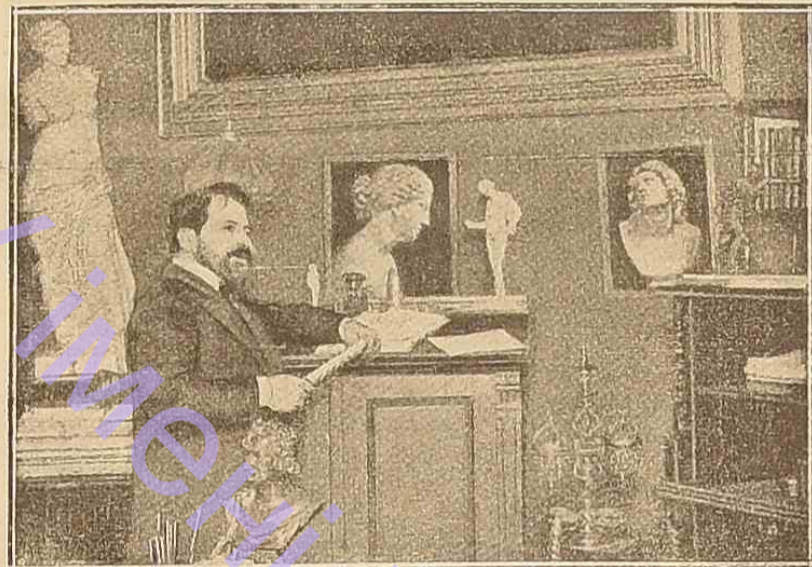
№ 5513

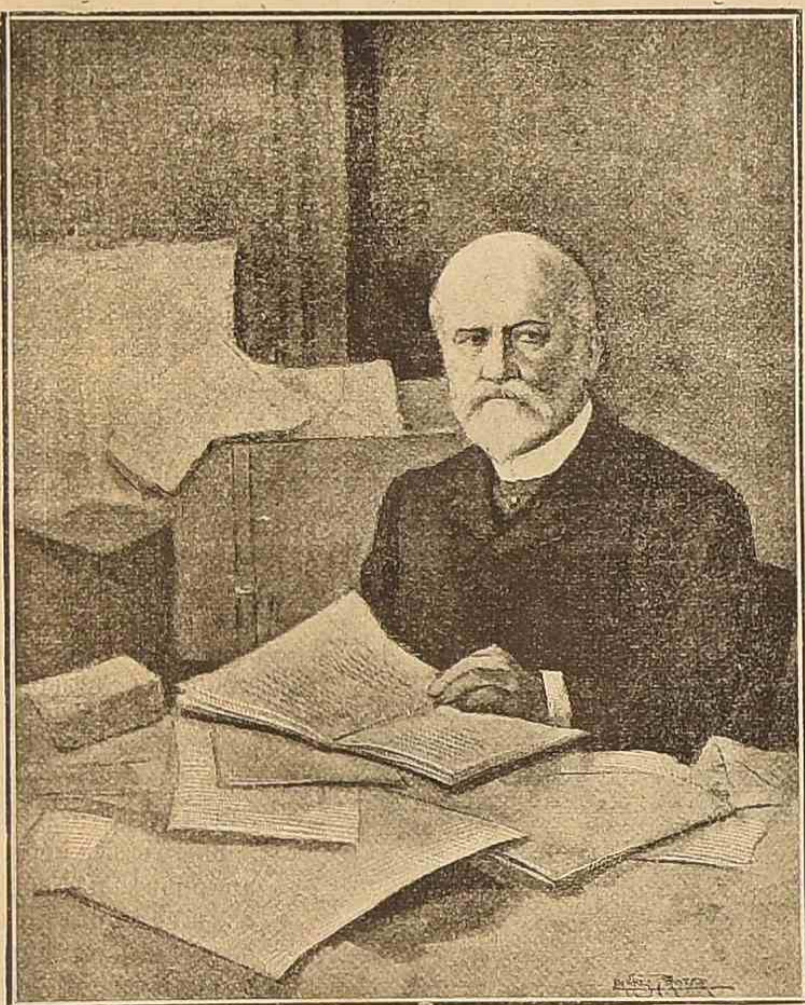
Мадонна („св. Антонія Падуанскаго“) Рафаэля,
приобрѣтенная президентомъ американскаго стального треста Морганомъ за
940.000 руб.

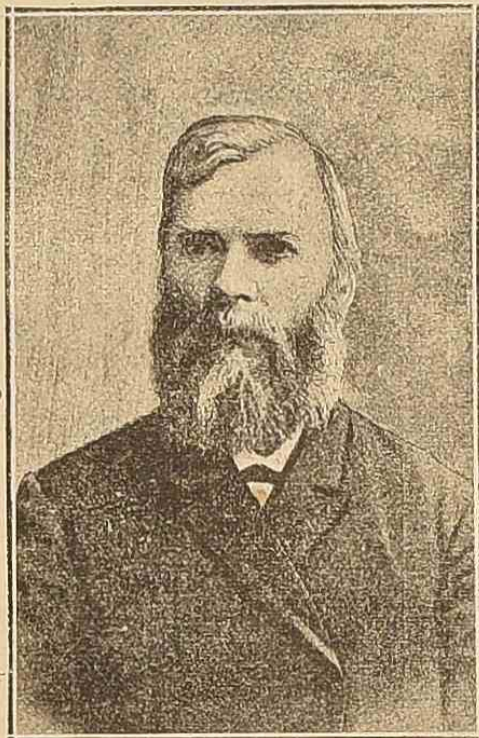
Король Леопольдъ бельгійскій на прогулкѣ въ Ниццѣ.

Артуръ Шницлеръ,
извѣстный нѣмецкій драматургъ авторъ тетралогіи
„Веселые дни“

Иванъ Блѣхъ,
знаменитый проповѣдникъ идеи мира.
† 25 декабря 1901 г.

В. И. Покровскій,
извѣстный статистикъ.
(По поводу 30 лѣтій со дня вступле-
нія на поприще статистики).

В. В. Вересаевъ (д-ръ В. В. Смидовичъ),
авторъ „Записокъ врача“.

ВЪ ПОДВАЛѢ.

Рассказъ Леонида Андреева *).

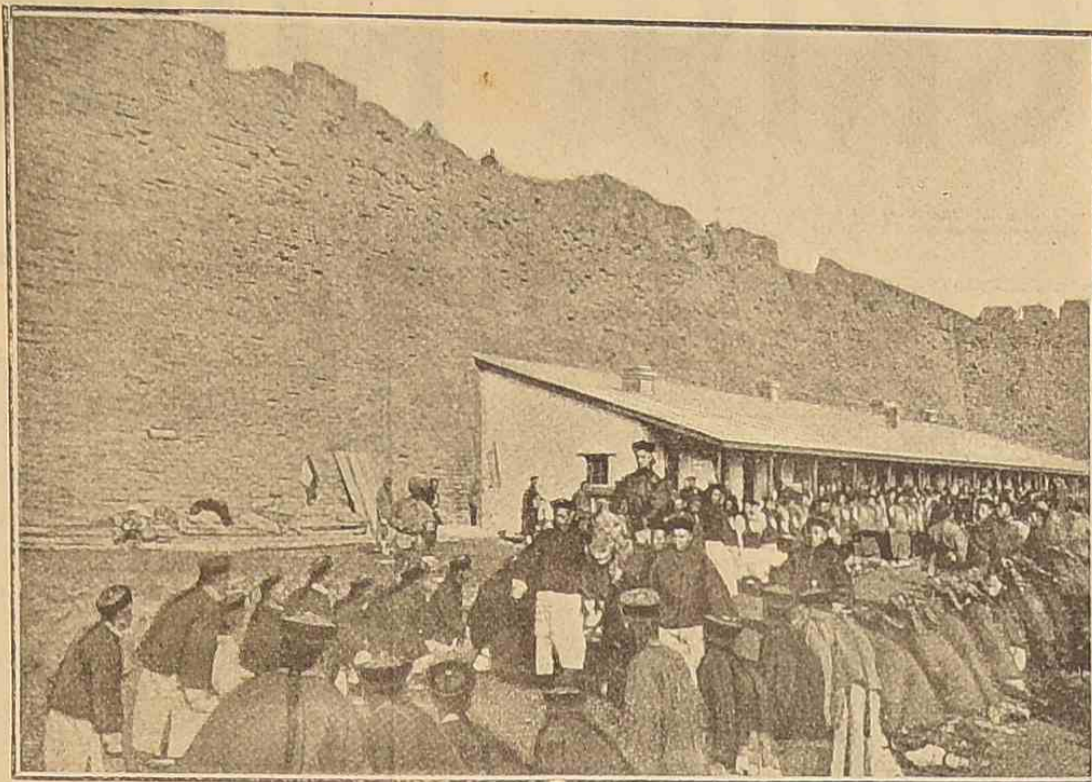
Онъ сильно пилъ, потерялъ работу и знакомыхъ и поселился въ подвалъ вмѣстѣ съ ворами и проститутками, проживая послѣднія вещи.

У него было большое, безкровное тѣло, поношенное въ работѣ, извѣденное страданіями и водкой, и смерть уже сторожила его, какъ хищная сѣрая птица, слѣпая при солнечномъ свѣтѣ и зоркая въ черныя ночи. Днемъ она пряталась въ темныхъ углахъ, а ночью безшумно усаживалась у его изголовья и сидѣла долго, до самаго разсвѣта, и была спокойна, терпѣлива и настойчива. Когда при первыхъ проблескахъ дня онъ высовывалъ изъ-подъ одеяла блѣдную голову съ глазами травмаго звѣря, въ комнатѣ было уже пусто, — но онъ не вѣрилъ этой обманчивой пустотѣ, которой вѣрятъ другіе. Онъ подозрительно оглядывалъ углы, съ хитрой внезапностью бросалъ взглядъ за спину и потомъ опершись на локти, внимательно и долго смотрѣлъ передъ собой въ тающую тьму уходящей ночи. И тогда онъ видѣлъ то, чего никогда не видятъ другіе: колыханіе сѣраго огромнаго тѣла, безформеннаго и страшнаго. Оно было прозрачно, охватывало все, и предметы въ немъ были, какъ за стеклянной стѣной. Но теперь онъ не боялся его, и, оставшая холодный свѣтъ оно уходило до слѣдующей ночи.

На короткое время онъ забывался, и сны приходили къ нему все страшные необыкновенные, и онъ видѣлъ блѣлую комнату, съ блѣлымъ поломъ и стѣнами, освещенную блѣлымъ яркимъ свѣтомъ, и черную змѣю, которая выползала изъ-подъ двери съ легкимъ шуршаньемъ, похожимъ на смѣхъ. Прижавъ къ полу острую, плоскую голову и извиваясь, она быстро выскальзывала, куда то пропала, и опять въ отверстіи подъ дверью показывался ея приплюснутый черный носъ, и черной лептой вытягивалось тѣло, — и опять, и опять. Разъ онъ увидѣлъ во снѣ что-то веселое и засмѣялся, но звукъ получился странный, похожій на подавленное рыданіе, и было страшно его слушать: глѣто въ безвѣстной глубинѣ смѣется, не то плачетъ душа въ то время, когда тѣло неподвижно, какъ у мертваго.

Постепенно въ его сознаніе начинали входить звуки рождающагося дня: глухой говоръ прохожихъ, отдаленный скрипъ двери, гро-

*) Изъ „Курьера“.

Возвращеніе принца Чуна на родину. — Торжественный въездъ въ Пекинъ.

мыханіе дворничкой метлы, сметающей свѣтъ съ подоконника, — весь репоредрѣленный гулъ просыпающагося боль-

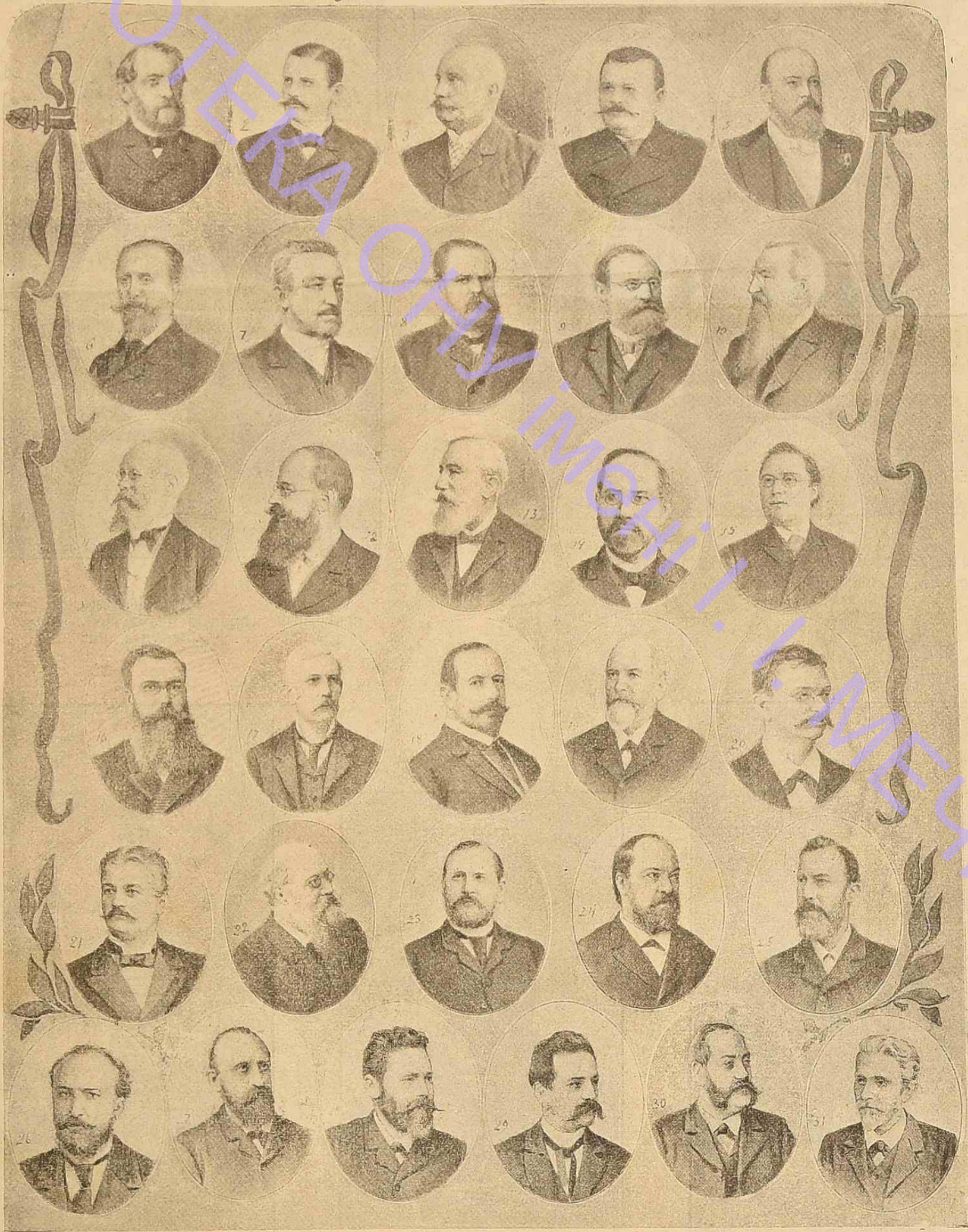
ного города. И тогда наступало для него самое ужасное: безощально свѣтлое сознаніе, что пришелъ новый день

и скоро ему нужно вставать, чтобы бороться за жизнь безъ надежды на побѣду.

Нужно жить.

Онъ поворачивался спиной къ свѣту, набрасывалъ на голову одеяло, чтобы ни малѣйшій лучъ не могъ проникнуть въ его глаза, сжимался въ маленькій комочекъ, подтягивая ноги къ самому подбородку, и такъ лежалъ неподвижно, боясь пошевелиться и протянуть ноги. Цѣлой горой лежала на немъ одежда, которой онъ укрывался отъ подвальной стужи, но онъ не чувствовалъ тяжести, и тѣло его было холодно. И при каждомъ звукѣ, говорившемъ о жизни, онъ казался себѣ огромнымъ и открытымъ, сжимался еще больше и беззвучно стоналъ — не голосомъ и мыслью, такъ какъ теперь онъ боялся собственнаго голоса и собственныхъ мыслей. Онъ молился кому то, чтобы день не приходилъ и ему всегда можно было лежать подъ грудой тряпья, не шевелиться и не мыслить, и напрягать всю волю, чтобы удерживать идущій день и увѣрить себя, что ночь еще продолжается. И больше всего въ мірѣ ему хотѣлось, чтобы кто-нибудь сзади приложилъ револьверъ къ затылку къ тремъ мѣстамъ, гдѣ чувствуется углубленіе, и выстрѣлилъ.

А день развертывался — широкий, неудержимый, властно зовущій къ жизни, и весь начиналъ двигаться, говорить, работать и думать. Въ подвалѣ первой просыпалась хозяйка, старуха Матрена, имѣвшая двадцатипятилѣтняго любовника, и начинала топтать по кухнѣ, стучать ведрами и возиться надъ чѣмъ-то у самыхъ дверей Хижнякова. Онъ чувствовалъ ея приближеніе и замиралъ, рѣшаясь не отвѣчать, если она его позоветъ. Но она молчала и куда то уходила, а потомъ часа черезъ два просыпалась двое другихъ жильцовъ: гулящая дѣвушка Дуниа и любовникъ старухи, Абрамъ Петровичъ. Такъ боцательно, несмотря на молодость, звали его все, потому что былъ онъ смѣлымъ и искусный воръ и еще что-то, о чемъ только подозрѣвали, но не рѣшались говорить. Ихъ пробужденіе больше всего страшило Хижнякова, такъ какъ оба они имѣли на него право, могли войти, сѣсть на кровать, трогать его руками и вызывать его на мысли и разговоры. Съ Дунишей онъ какъ-то сошелся пьяный и обѣщавъ на ней жениться, и хотя она смѣялась и хлопала его по плечу, но искренно считала его влюбленнымъ въ себя и покровительствовала, а сама была глупая, грязная, дурно пахнущая и часто ночевала въ участкѣ. А съ Абрамомъ Петровичемъ онъ только третьяго дня вмѣстѣ

ВОЖДИ ПАРТІЙ И ГРУППЪ ГЕРМАНСКАГО РЕЙХСТАГА.

Нѣмецкая консервативная партія: 1) Левецовъ. 2) Графъ Роонъ. 3) Регтихъ. 4) Фонъ-Норманнъ. 5) Графъ Штольбергъ-Вернигероде, вице-презид. палаты. Имперская партія: 6) Графъ Арнимъ и 7) фонъ-Кардорфъ. Нѣмецкая партія реформъ: 8) Либерманнъ-Зонненбергъ и 9) Фридрихъ Лотце. Центръ: 10) Летоха. 11) Графъ Гомпель. 12) Либзъ. 13) Рингель. 14) Шланъ. 15) Шедлеръ и 16) Греберъ. Польская партія: 17) Князь Радзивиллъ. Националь либералы: 18) Гель. 19) Бюзингъ, вице-презид. палаты. 20) Заттлеръ и 21) Бассерманъ. Союзъ свободомыслящихъ: 22) Риккертъ и 23) Шрадеръ. Свободомыслящая народная партія: 24) Е.Рихтеръ. 25) Шмдтъ. 26) Мюллеръ и 27) Гермесъ. Народная партія: 28) Пайеръ и 29) Гауссманъ. Соціаль-демократы: 30) Зингеръ и 31) Бебель.

пьянствовал, цѣловался и давал клятвы въ вѣчной дружбѣ.

Когда раздался свѣжий и громкій голосъ Абрама Петровича и его быстрые шаги мимо двери, Хижняковъ застылъ отъ страха и ожиданія, простоналъ, не сдержавшись, вслухъ, и еще болѣе испугался. Въ одной яркой картинѣ предъ нимъ пронеслось его пьянство, какъ они сидѣли въ какомъ-то темномъ трактирѣ, освѣщенномъ одной лампой, среди темныхъ, шепчущихся почему-то людей, и тоже шептались. Абрамъ Петровичъ, блѣдный и возбужденный, жаловался на

теперь не помнилъ и не понималъ, онъ цѣловалъ эту руку, а Абрамъ Петровичъ горделиво кричалъ:

— Верно, братъ! Помремъ, а не сдадимся!

А потомъ что то грязное, кружащееся, вой, свистъ и прыгающіе огни. И тогда это было весело, а теперь, когда въ углахъ пряталась смерть, и отовсюду навигался дѣнь съ необходимостью жить и дѣйствовать и за что то бороться, и о чемъ-то просить, — было мучительно и непередаваемо ужасно.

— Баринъ, спишь? — ласково

У него была жена когда-то, давно, и умерла. Еще дальше въ прошломъ у него были братья и сестры, а еще дальше — нѣчто смутное и красивое, что онъ называлъ матерью. И все они умерли, а, можетъ быть, кто-нибудь и живъ, но такъ затерявъ въ безконечномъ мірѣ, какъ будто бы умеръ. И онъ скоро умретъ — онъ это знаетъ. Когда онъ встанетъ сегодня съ своего ложа, у него будутъ подламываться и трястись ноги, а руки будутъ дѣлать невѣрные странныя движенія, и это смерть. Но пока она придетъ, нужно жить, и это такая грозная задача для человѣка, у котораго нѣтъ денегъ, здоровья и воли, что Хижняковъ приходитъ въ отчаяніе. Онъ сбрасываетъ

— Какая Катя? — спросилъ Хижняковъ. И языкъ у него ворочался тяжело и невѣрно, какъ чужой.

— Ну вотъ, забылъ, — засмѣялась Дуляша. — Такая Катя, которая у насъ жила. Какъ же ты забылъ, когда она всего недѣлю ушла.

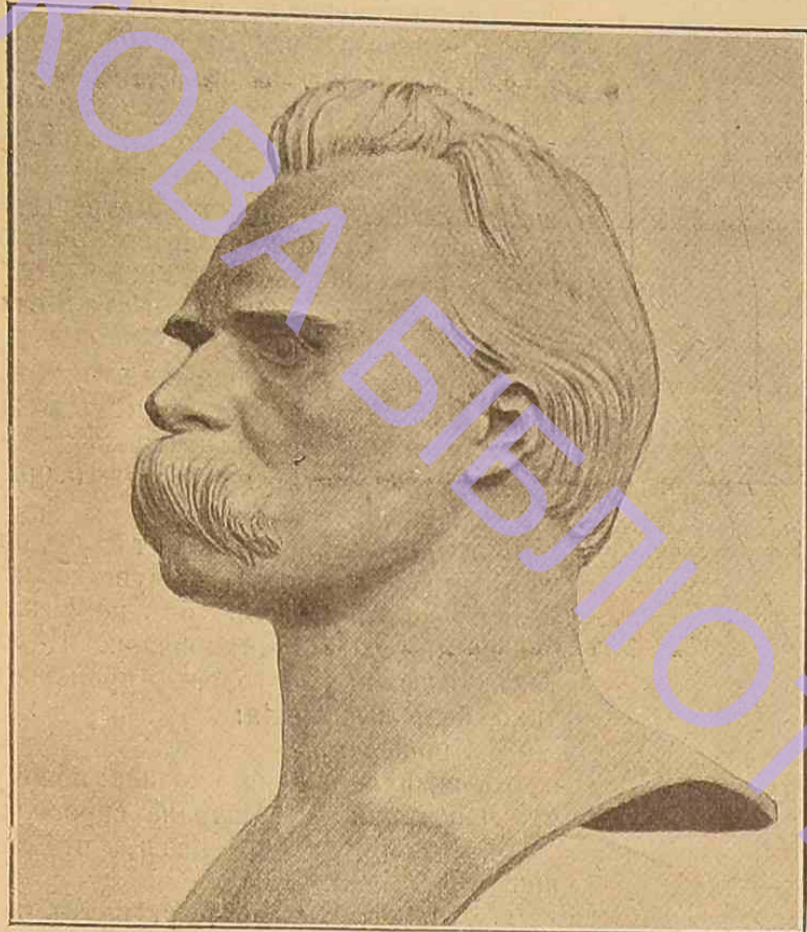
— Умерла?

— Ну да, умерла, какъ все помираютъ.

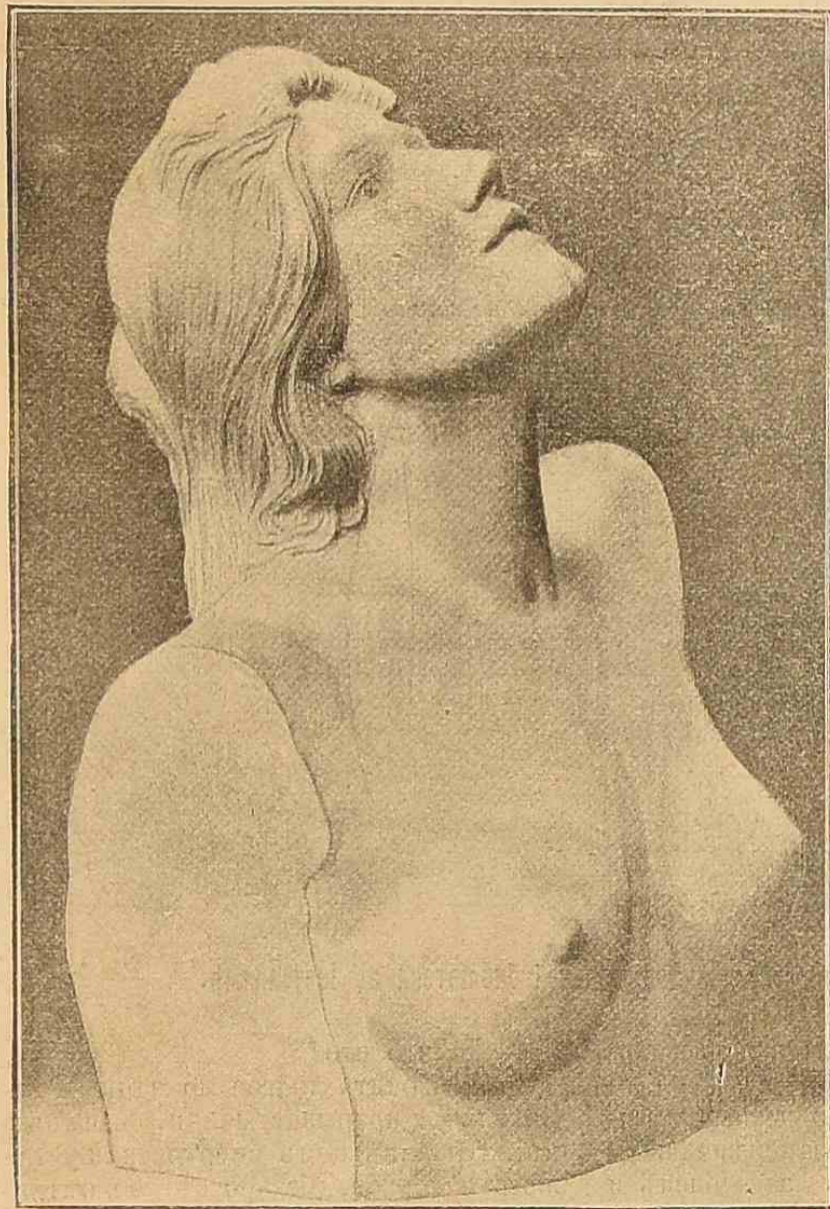
Дуляша послушавши короткій палецъ и отерла пудру съ рѣдкихъ ресницъ.

— Отчего?

— Отъ того, отъ чего все помираютъ. Кто же ее знаетъ, отчего. Мнѣ вчера въ кофейной сказали. Умерла, говорятъ, Катя.

Фридрихъ Ницше.
Бронзовый бюстъ Штевлянга.

„Желаніе“.
Бюстъ работы Штевлянга.

трудную жизнь вора, зачѣмъ-то обнажалъ руку и давалъ щупать неправильно сросшіяся кости, а Хижняковъ цѣловалъ его и говорилъ:

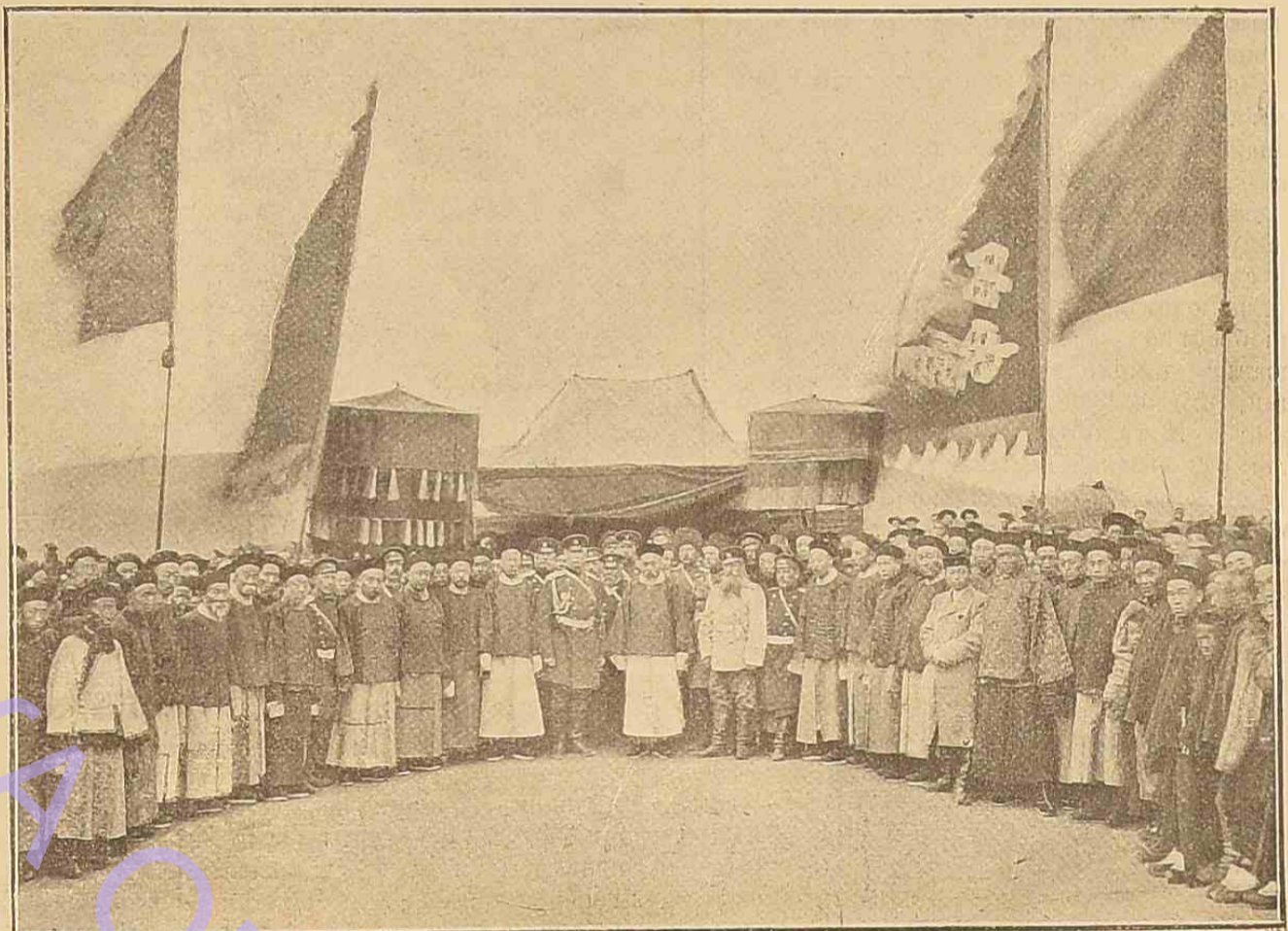
— Я люблю воровъ. Они смѣлые — и предлагалъ ему выпить на брудершafftъ, хотя они давно говорили на ты.

— А я люблю тебя, что ты образованный и понимаешь нашего брата, — отвѣчалъ Абрамъ Петровичъ. — Гляди-ка, рука-то: она вотъ!

И опять передъ его глазами протягивалась бѣлая рука, казавшаяся жалкой отъ своей бѣлизны, и въ внешнемъ пониманіи чего-то, чего онъ

спросилъ за дверью Абрамъ Петровичъ и, не получивъ отвѣта, добавилъ: ну, спи, чортъ съ тобой.

Къ Абраму Петровичу приходитъ много знакомыхъ, и въ теченіе цѣлаго дня визжитъ дверь и раздаются басистые голоса. И Хижняковъ при каждомъ стукѣ кажется, что это пришли къ нему и за нимъ, и онъ прячется все глубже и долго прислушивается, пока пойметъ, кому принадлежитъ голосъ. Онъ ждетъ, ждетъ мучительно, съ содроганіемъ всего тѣла, хотя во всемъ мірѣ нѣтъ никого, кто пришелъ бы къ нему и за нимъ.

Встрѣча войскъ 2-го сибирскаго армейскаго корпуса, возвращающихся изъ „Священныхъ лѣсовъ императорской охоты“ цзянь-цзюнемъ Гиринской провинціи, 13 апрѣля 1901 г. Во встрѣчѣ принимало участіе купечество Гириня и 50.000 ая толпа населенія. Генералу барону Каульбарсу поднесены 1) цзянь-цзюнемъ: два красныхъ шелковыхъ флага, почетный зонтикъ и почетный плюшевый коверъ; 2) купечествомъ: два зеленыхъ шелковыхъ флага, почетный зонтикъ съ 10.000 фамилий и почетный шелковый коверъ.

Прибытіе тѣла поручика А. К. Орлова въ Гиринъ (13 апрѣля 1901 г.). Поручикъ палъ, прострѣленный въ грудь на вылетъ, подъ И-шу-линомъ 3 апрѣля 1901 г.

Изъ коллекціи генераль-отъ-кавалеріи барона А. В. Каульбарса.

съ себя отъяло, заламываетъ руки и бросаетъ въ пространство такіе долгіе стоны, какъ будто сквозь тысячи страдающихъ грудей прошли они и оттого стали такими полными, до краевъ налитыми нестерпимой мукой.

— Отопри, чортъ, — кричитъ за дверью Дуляша и колотитъ въ дверь кулакомъ. — А то вѣдь дверь сломалю!

Трясаясь и качаясь, Хижняковъ подошелъ къ двери, открылъ ее и быстро, почти падаая, снова улегся въ постель. Дуляша, уже завитая и напудренная, съела рядомъ съ нимъ, пригнувъ его къ стѣнѣ, положила нога на ногу и важно сказала:

— А я тебѣ новость принесла. Катя вчера Богу душу отдала.

— А ты ее любила.

— Конечно, любила. О чемъ спрашивается!

Глухие глаза Дуляши смотрѣли на Хижнякова съ тупымъ равнодушіемъ, и толстая нога покачивалась. Она не знала, о чемъ ей больше говорить, и старалась смотрѣть на лежащаго такъ, чтобы показать ему свою любовь, и для этого смелка прищурила одинъ глазъ и опустила углы толстыхъ губъ.

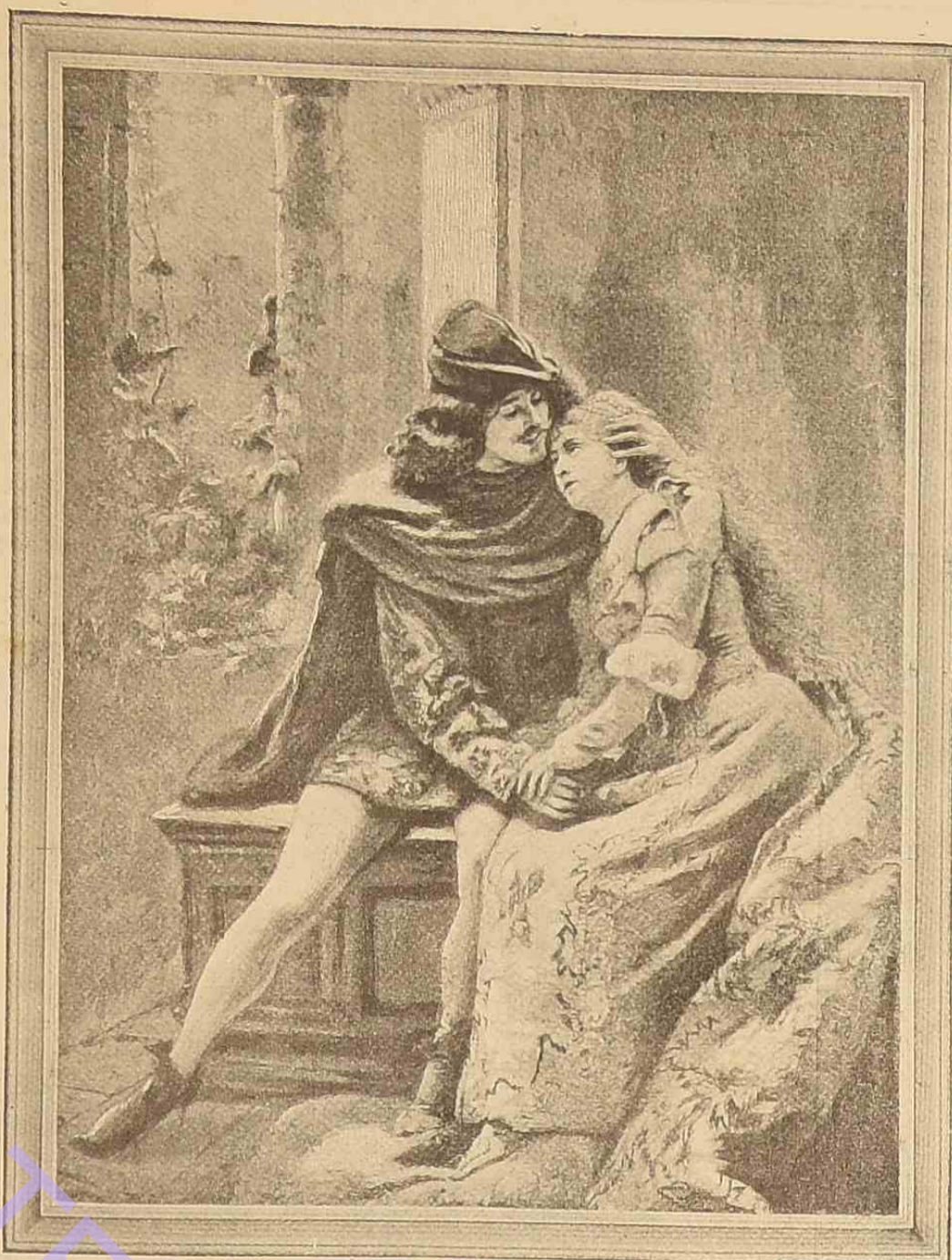
День начался.

II.

Въ этотъ день, въ субботу, морозъ былъ такой сильный, что гимназисты не ходили учиться и конскіе бѣга были перенесены на другой день, такъ какъ

представлялась опасность простудить лошадей. Когда Паталя Владиміровна вышла из родильнаго пріюта, она въ первую минуту была рада, что уже вечеръ, что на набережной никого нѣтъ и никто не встрѣтитъ ея, дѣвочки, съ шестидневнымъ ребенкомъ на рукахъ. Ей казалось, что, какъ только переступить она порогъ, ее встрѣтитъ гамомъ и свистомъ цѣлая толпа, въ которой будетъ и отецъ ея, слюнвявый, параличный и какъ будто совсѣмъ безглазый, и знакомые студенты, офицеры и барышни. И все они будутъ показывать на нее пальцами и кричать: вотъ дѣвушка, которая окончила шесть классовъ гимназіи, имѣла знакомыхъ студентовъ, умныхъ и благородныхъ, краснѣла отъ неловко сказаннаго слова и которая шесть дней тому назадъ родила ребенка, въ родильномъ пріютѣ, рядомъ съ другими женщинами.

Но набережная была пустыня. По ней свободно носился ледяной вѣтеръ, подымалъ сѣрую тучу снѣга, истолченнаго морозомъ въ бѣдную пыль и укутывалъ ею все живое и мертвое, что встрѣчалось ему на пути. Съ легкимъ свистомъ онъ обвивался вокругъ металлическихъ столбиковъ рѣшетки, и они блещли, какъ отполированные, и казались такими холодными и одинокими, что на нихъ больно было смотреть. И такой-же холодной, оторванной отъ людей и жизни, почувствовала себя дѣвушка. На ней была коротенькая кофточка, та самая, въ которой она обыкновенно каталась на конькахъ и которую второпяхъ надѣ-

Ромео и Джульетта.
Картина Бонга.

лодали. Наклонивъ голову, она отерла ихъ безформеннымъ сверткомъ, которыми были заняты ея руки, и пошла быстрее. Теперь она не любила ни себя, ни ребенка, и жизнь обоихъ казалась ей ненужной, но ее настойчиво толкали впередъ слова, которыя были какъ будто не въ мозгу у нея, а шли впереди и звали:

— Нѣмчиновская улица, второй домъ отъ угла. Нѣмчиновская улица, второй домъ отъ угла.

Эти слова она твердила шесть дней, лежа въ постели и кормя ребенка. Они значили, что нужно идти на Нѣмчиновскую улицу, гдѣ живетъ ея молочная сестра, проститутка, потому что только у нея одной, и больше ни у кого, можетъ найти она пріютъ для себя и ребенка. Годъ тому назадъ, когда все еще было хорошо и она постоянно смѣялась и пѣла, она была у захворавшей Кати и помогла ей деньгами, и теперь это оставался единственный человѣкъ, котораго ей не было стыдно.

— Нѣмчиновская улица, второй домъ отъ угла. Нѣмчиновская улица, второй домъ отъ угла.

Она шла, и вѣтеръ злобно вился вокругъ нея, и когда она вошла на мостъ, хитро бросился къ ней на грудь и желѣзными когтями впился въ холодное лицо. Побѣжденный, онъ съ

шумомъ началъ съ моста, кружился по снѣжной глади рѣки и снова врывалъ вверхъ, закрывая дорогу трепещущими холодными крыльями. Паталя

оставшейся у него вещице. Въ комнаткѣ было холодно и въ углахъ замерзъ ледъ, но онъ дышалъ въ барашковый воротничокъ, и отъ этого ему было тепло и уютно. Весь день онъ обманывалъ себя, что завтра пойдетъ искать работы и о чемъ то просить людей, а пока онъ счастливо не думалъ и только вздрагивалъ при повышенномъ звукѣ голоса за стѣной или стукѣмъ жалко захлопнутой двери. Такъ долго и спокойно лежалъ онъ, когда во входную дверь послышался неровный стукъ, робкій, торопливый и острый какъ будто стучали задней стороной руки. Комната его была ближайшей къ двери и, повернувъ голову, насторожившись, онъ ясно различалъ, что возлѣ нея происходило. Подошла Матрена, дверь открылась и закрылась за кѣмъ-то вошедшимъ и наступило выжидательное молчаніе.

— Вамъ кого? — хрипло прозвучалъ недружелюбный вопросъ Матрены. И незнакомый голосъ, тихій и ломающийся, растерянно отвѣтилъ:

— Миѣ Катю Нечаеву. Катя Нечаева здѣсь живетъ?

— Жила. А вамъ она на что?

— Миѣ очень нужно. Ея нѣтъ дома? — въ голосѣ прозвучалъ страхъ.

— Умерла Катя. Умерла, я говорю. Въ больницѣ.

Опять долгое молчаніе, такое долгое, что Хижняковъ почувствовалъ боль въ шеѣ, которой онъ не смѣлъ повернуть, пока люди молчали. И потомъ незнакомый голосъ произнесъ тихо, безъ выраженія:

— Прощайте.

Но, видимо, она не уходила, потому что черезъ минуту Матрена спросила: — Что это у васъ? Катѣ, что-ли, принесли?

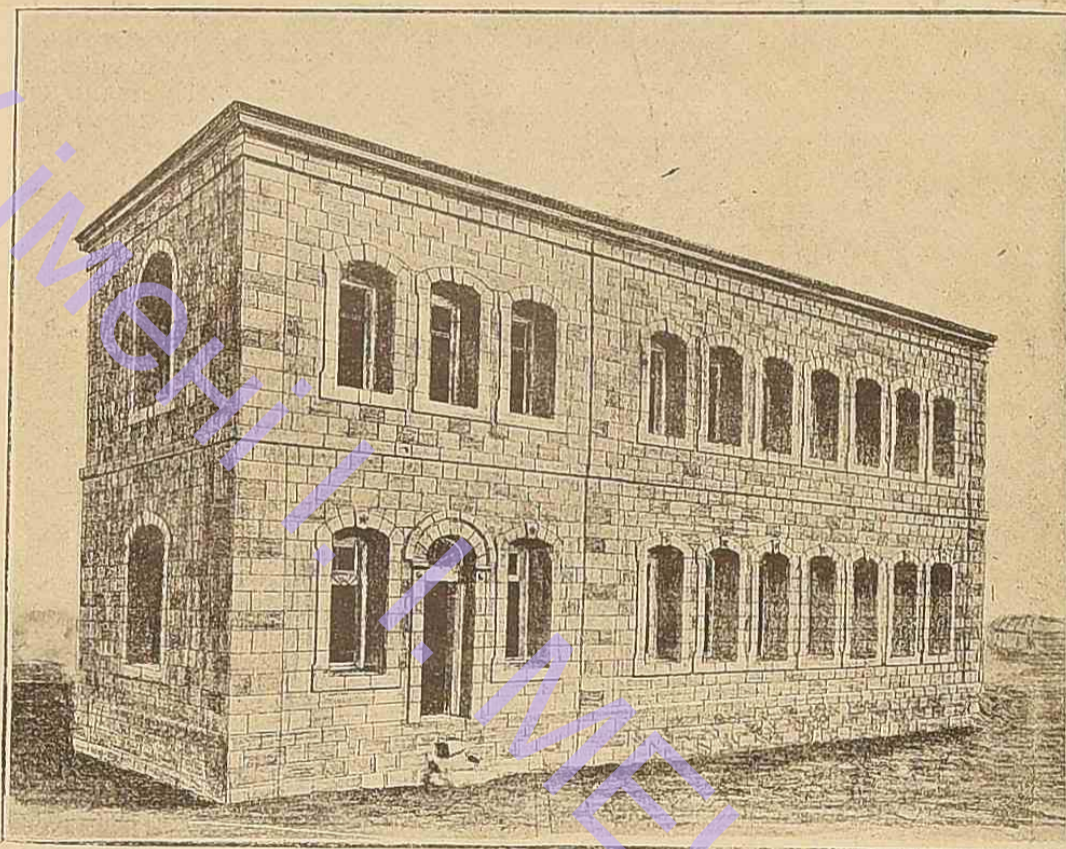
Что-то упало на полъ, стукнувъ колѣнями, и незнакомый голосъ произнесъ быстро, надрываясь отъ сдерживаемыхъ рыданій:

— Возьмите! Возьмите, Бога ради. Возьмите! А я... я уже пойду.

Сэръ Кассель.
Извѣстный лондонскій издатель, на прошлой недѣлѣ пожертвовавшій два милліона на устройство санаторій для лондонскихъ рабочихъ, страдающихъ чахоткой.

ла, уходя изъ дома и уже начиная страдать предродовыми болями. И когда вѣтеръ охватилъ ее, обвилъ вокругъ ногъ тонкое платье и застудилъ голову, ей стало утко, что она замерзнетъ, и страхъ толпы исчезъ, и міръ развернулся безграничной ледяной пустыней, въ которой нѣтъ ни людей, ни свѣта, ни тепла. Двѣ горячія слезинки навернулись на глазахъ и захо-

Новое зданіе еврейской національной бібліотеки въ Иерусалимѣ.

Владиміровна остановилась и безсильно облокотилась на перила. Глубоко снизу на нее взглянулъ черный матовый глазъ — клочекъ незамерзшей воды — и былъ его взглядъ загадоченъ и страшенъ. А впереди звучали и настойчиво звали слова:

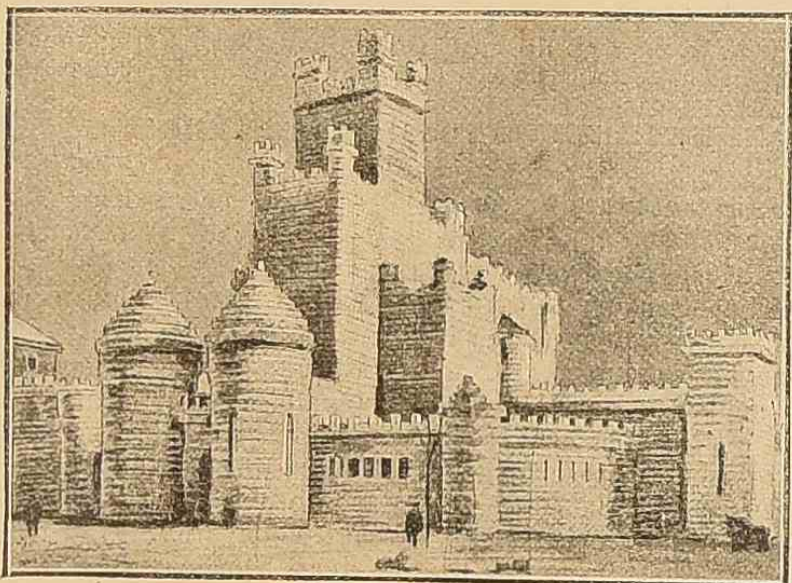
— Нѣмчиновская улица, второй домъ отъ угла. Нѣмчиновская улица, второй домъ отъ угла.

Хижняковъ, уже одѣтый, снова лежалъ въ постели и до самыхъ глазъ кутался теплымъ пальто, послѣдней

— Да что это?

Потомъ опять долгое молчаніе, и тихій плачь, прерывистый и безнадежный. Была въ немъ смертельная усталость и черное, безпробудное отчаяніе. Слово чья то утомленная рука безсильно волила по туго натянутой струнѣ, и струна эта была послѣдней на дорогомъ инструмента, и когда она разорвется — навсегда угаснетъ пѣвчій и печальный звукъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Дворецъ, сдѣланный изъ льда въ Канадѣ.